

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ
"СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ" КОНЦЕПЦИИ

1. Идея родства "языков" сложилась задолго до появления сравнительно-исторической концепции в языкознании; она фиксировала хорошо известные из истории отношения между народами Европы и Средиземноморья и переносилась на "языки" этих народов отнюдь не на основании изучения самих языков и их исторических изменений, а по сопричастности. Государственно-географическое разделение народов, как правило, служило основанием для разделения и противопоставления языков. Понятия языка не существовало, да в нем и не нуждались.

2. С XVI в. процедуры описания "экзотических" (в первую очередь) языков, с одной стороны, и опыт каталогизации и классификации известных языков мира, с другой, привели к созданию двух разных групп представлений о языках - "материальных" и "функциональных": первая фиксировала объекты описания - предложения, слова и т.п., которые рассматривались в качестве "элементов" языка, вторая - принципы организации классификационных таблиц. Поскольку идея родства использовалась здесь в качестве принципа построения самой классификации, постольку "языки" фактически стали определяться через их место в системе родства. Но и на этом этапе отношения родства не выводились из анализа элементов языков, а приписывались "языкам" на основе совершенно внешних соображений. Между функциональными и материальными представлениями языков существовал разрыв.

3. Следующий шаг развития заключался в том, что на отдельные "элементы" языка, в первую очередь на слова, были спроецированы генетические отношения, постулированные для языков в целом; родство языков стали выявлять путем сравнения и трансформации отдельных слов. Но так как трансформации сами нуждались в оправдании, в работу должны были

включаться те или иные представления о реально происходивших изменениях слов языка. Это обстоятельство породило наряду с идеей родства собственно историческую ориентацию; идея родства несла на себе прежде всего методическую функцию, а ориентация на историю — функцию "естественного" обоснования метода.

4. К началу XIX в. были сформулированы уже все логические и онтологические основания, необходимые для сравнительно-исторической концепции, включая даже схему сопоставления слов через генетическое сведение-выведение; можно сказать, что метод "носился в воздухе", и поэтому не удивительно, что он был реализован сразу несколькими разными людьми. Заслуга Р.Раска и Ф.Боппа не в том, что они его изобрели, а в том, что они показали, как применять его к языковому материалу.

Два момента должны быть отмечены здесь специально: (а) исследования были сравнительными (сравнительно-генетическими), но не историческими; (б) родство языков определялось независимо от сопоставлений слов, по совпадению или сходству грамматического строя этих языков; таким образом классифицируемые языки получали уже целый ряд различающихся между собой материальных представлений, и нужно было устанавливать вес и иерархию их относительно генетических отношений — проблема, интенсивно обсуждаемая до сих пор.

5. Расхождение между общими представлениями о родстве языков, выступившими на этом этапе в качестве онтологической картины единого лингвистического предмета, и конкретными процедурами генетических сопоставлений отдельных "элементов" языков сохранялось в сравнительно-историческом языкознании вплоть до работ А.Шлейхера, который привел эти два слоя предмета в соответствие друг с другом за счет: (а) изменения представлений о "языке" (выдвижения фонетики на передний план), (б) графического выражения генетических отношений и связей между языками в виде схемы "генеалогического дерева", (в) определения родства языков через эту схему. Благодаря этому впервые был выделен идеальный объект изучения и создана взаимосогласованная и непротиворечивая система понятий; но это означало также, что сравнительно-

генетический метод был выделен из реального научного предмета и "окуклился", получив потенции к имманентному развитию: выявленные генетические "соответствия", или "законы", давали возможность реконструировать праформы, сопоставления с праформами подтверждали уже известные соответствия и давали возможность наметить новые, они, в свою очередь, использовались для выявления новых праформ и т.д. и т.п. Включение новых принципов и новых представлений о языке позволяло как угодно менять концепцию, сохраняя метод; хорошим примером этого может служить "ностратическая концепция" В.М.Иллич-Свитыча и А.Б.Долгопольского.

6. Но всякое такое обособление и окукливание метода порождает в рамках научного предмета дополнительную службу проверки и обоснования. Младограмматики, опираясь на идеи Я.Гримма, обернули схемы генетических сопоставлений в план истории и стали искать подтверждения им на эмпирическом материале тех изменений языка, которые происходят кругом, повседневно. При этом они пользовались категориями "процесс - механизм" и хотели исследовать естественные механизмы, определяющие историю языков, отображенную в генетических отношениях. Однако у Раска, Боппа, Я.Гримма и даже у В.Гумбольдта "язык" был представлен таким образом, что ему нельзя было приписать каких-либо механизмов, допускающих естественную интерпретацию ("оестествление"), и поэтому надо было задать какую-то совершенно иную форму существования "языка", с одной стороны, независимую от истории, представленной в генетических схемах, а с другой стороны - объясняющую ее. Эта новая форма существования "языка" была найдена в психологически трактуемых актах индивидуальной речи, - представление, выдвинутое на передний план еще раньше Г.Штейнталем. Таким образом "язык" был как бы склеен с "речью", и именно в актах речи стали искать механизмы всей жизни языка - его функционирования и развития.

7. Но реально в результате такой смены ориентиров в лингвистике оказались две разные действительности: (а) действительность генетических отношений между языками, организованная в замкнутый формальный предмет вокруг схем генетических сопоставлений, и (б) действительность множества

актов речи, совершающихся в разных местах и в разное время и образующих (неизвестно по каким законам) исторический поток речи, который еще только должен быть "схвачен" и воспроизведен в каких-то предметах исследования; и эти две действительности стали соотноситься и сопоставляться друг с другом, сначала — с целью объединения и организации их в рамках одного предмета, а потом, когда достаточно выяснилось их различие и все категориальные несоответствия, — с целью противопоставления и даже полного отделения друг от друга.

8. Таким образом к началу XX в. рамках сравнительно-исторического языкознания оформились две принципиально разные линии исследований: (а) сравнительно-генетических и (б) собственно исторических, и соответственно им сформировались и стали развиваться две группы научных предметов, задающие принципиально разные представления о "речи-языке" как объекте исследований. Дискуссия между Г. Шухардтом и А. Мейе по сути дела выявила и зафиксировала это разделение — Шухардт настаивал на изучении реальных механизмов жизни речи, а Мейе разъяснял структуру сравнительно-генетического метода и характер создаваемого им формального предмета, — но подлинный смысл столкновения остался во многом скрытым, в том числе и для них самих, прежде всего из-за отсутствия теории научных предметов.

Но сейчас мы уже хорошо знаем и понимаем, что всякий научный предмет формирует и задает свой особый объект исследования и, чтобы сопоставлять эти объекты друг с другом, нужно проделывать специальную методологическую работу и строить особую онтологическую картину, связывающую друг с другом разнопредметные представления объекта. И эта задача выводит нас непосредственно к проблемам системно-структурного и деятельностного представления истории и генезиса речи-языка.

Г. П. Щедровицкий, Н. И. Кузнецова

АРЕАЛЬНЫЕ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ-ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СХЕМЫ МНОГИХ ЗНАНИЙ

I. Обсуждение вопроса о генетических и ареальных отно-

шениях между "языками" является осмысленным лишь при условии, что мы знаем, что представляет собой "язык" как объект изучения и в каких естественных процессах он существует. Здесь недостаточно знать и осознавать предмет исследования. Если, к примеру, "язык" определяется как "совокупность соответствий между исторически установленными данными" (А.Мейе) или как "система изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты" (В.Лизани), то в применении к подобным конструкциям и без подразумевания еще чего-то иного, имеющего статус объекта, сам вопрос о генетических и ареальных отношениях не будет иметь смысла. Иначе говоря, чтобы обсуждать понятия ареальных и генетических отношений между языками, нужно знать не только предметы исследования, в которых работают лингвисты, но и соотношение этих предметов с объектом изучения. Между тем именно эти соотношения стали сейчас весьма проблематичными и требуют специального обсуждения.

2. По сути дела с начала XX в. языковедение находится в ситуации, которая в современной методологии и философии науки называется "неклассической". Эта ситуация характеризуется разнообразием практических задач, стимулирующих научное исследование, множеством разных направлений анализа, обслуживающих эти частные практические задачи, и отсутствием синтезирующих онтологий, задающих единое представление объекта изучения. Конечно, сама эта ситуация в языковедении является не чем иным, как проявлением методических и эмпирических успехов лингвистического анализа, но вместе с тем — проявлением совершенно очевидного отставания методологической и собственно теоретической рефлексии.

Существует мнение, что научное познание в Хл в. может обойтись и без синтезирующей рефлексии. Возможно, это так, но нужно отдавать себе ясный отчет в последствиях этого. Ведь чем быстрее прогрессируют разные направления анализа, тем быстрее единое в недавнем прошлом языкознание распадается на отдельные независимые друг от друга научные предметы. Синхроническая лингвистика объявляется никак не связанной с диахронической, "внутренняя" лингвистика противостоит "внешней", теория порождающей грамматики отделяется от описательного языкознания, анализ глубинных структур

несовместим с традиционной семантикой, формируется лингвистика текста, совершенно отрывающаяся от лингвистики языка, и т.д. и т.п. В этой ситуации отказ от синтезирующей рефлексии означает по сути дела отказ от идеала единой науки о речи-языке.

3. Но, точно также, наввно было бы думать, что программу синтеза лингвистики можно осуществить, опираясь на традиционные, чисто интуитивные представления о речи-языке. Всякая попытка такого рода заранее обречена на неудачу. Единственный реальный путь здесь — это анализ и осознание ситуации, в которой находится сейчас языкознание. Нужно понять, что мы имеем дело с рядом разошедшихся предметов исследования, и, если нам нужно соотносить и связывать друг с другом развитие в них средства и методы анализа, то прежде всего мы должны проанализировать сами эти предметы, используя для этого методологическое мышление и характерные для него схемы многих знаний. Мы должны по-отдельности описать и изобразить все существующие предметные представления объекта, и в контексте этой работы сконструировать и описать общий для всех них объект изучения. Таким образом будет получена единая онтологическая картина лингвистики, которая позволит нам соотносить и связывать друг с другом самые разные лингвистические предметы. Всякий другой путь синтеза, на наш взгляд, лишь умножает псевдонаучные "призраки" (в смысле Ф.Бэкона).

4. Отсутствие методически отработанного онтологического представления объекта изучения и процессов его "жизни" особенно резко сказывается при обсуждении соотношения генетических и ареальных отношений в речи-языке. Работая чисто предметно и переходя непосредственно к объектам наших предметов, мы склонны ставить ареальные и генетические отношения в один ряд и сопоставлять их друг с другом, не задаваясь вопросом о том объектном и категориальном "пространстве", в котором они действительно могут сосуществовать и соотноситься. Но это — ошибка, ибо генетические и ареальные отношения имеют, если можно так выразиться, разный порядок абстракции, и чтобы соотносить их, нужно еще найти подходящую "объективную" систему. Лю, на наш взгляд,

является система "исторической деятельности человечества".

5. Переход от восстановления генетических отношений между "языками" к анализу исторических процессов и механизмов развития языков, осуществленный уже младограмматиками, привел к вопросам, как мы должны представлять себе эти исторические процессы, на каком материале они происходят и в каких предметах их нужно описывать. До сих пор все новые лингвистические направления пытались найти такие процессы и механизмы, которые можно было бы приписать или "приложить" к традиционным лингвистическим объектам — элементам и единицам языка, и таким образом объяснить их функционирование и развитие. По сути дела во всех подходах такого рода традиционные единицы лингвистического описания рассматривались как "вещи" особого рода, а исторические процессы и механизмы — как изменения этих "вещей", их переходы друг в друга. Однако, современная системно-структурная методология показывает, что такой способ соединения "вещей" и "процессов" в принципе невозможен. Наоборот, при анализе системно-структурных объектов мы должны начинать с анализа процессов, взятых сперва независимо от материала, на котором они разворачиваются, представлять их в качестве конституирующих систему и лишь затем вводить, соответственно процессам, функциональное и организационное членение материала объекта на элементы и единицы.

6. Подобный подход к "жизни" речи-языка позволяет совершенно по-новому решать вопросы о его материале, реальных исторических механизмах развития и соотношении ареальных и генетических отношений.

Предельно кратко суть этого решения может быть выражена в утверждении, что процессы и механизмы развития и функционирования речи-языка должны соотноситься не с физическим или географическим пространством (как это делается сейчас в ареальной лингвистике), а с социо-культурной организацией общества, обеспечивающей его воспроизводство. Тогда основной темой обсуждения становятся не связки "слова-вещи", как у Г.Щухардта, а связь "деятельность-знаки", движения знаков по основным социо-культурным каналам — коммуникация и трансляция, и искусственно-естественное из-

менение знаков вместе с изменением организации этих каналов. Отказываясь таким образом от чисто внешней трактовки "пространства", заменяя географическое пространство социокультурной морфологией, мы задаем такое представление объекта изучения, к которому на равных правах можно относить как генетические, так и ареальные схемы лингвистики и таким образом объединять и связывать их друг с другом как разные проекции единого механизма жизни речи-языка.

Названная программа, как нам представляется, восстанавливает исходный смысл языковедческой программы В. Гумбольдта, извращенный и мистифицированный в XIX в. психологизмом.